

- самопознания и совершенства. М.: Эксмо, 2017.
- Шохин В. К. Определения мистического: первый опыт экспозиции // Философия религии: аналитические исследования. 2018. Т. 1. № 1. С. 7–29.
- d'Aquili, E. Newberg, A. (1999) *The Mystical Mind*. Minneapolis: Fortress Press.
- Newberg, A. (2018) *Neurotheology: How Science Can Enlighten Us About Spirituality*. NY: Columbia University Press.

Идентичность и конверсия в исламском социуме Германии

Рецензия на «Немцы-мусульмане в современной Германии. Кто они?» / Э. Ф. Рязанова, М.: «Садра», 2023. — 184 с.

<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-2-213-222>

В религиоведении и теории идентичности одну из центральных позиций занимает проблема религиозной конверсии. Этот процесс обычно предполагает смену ценностных установок и формирование новых форм самосознания конвертита. Плодотворным этнографическим полем в контексте исследований религиозного обращения и кросс-конфессионального диалога является поликультурная среда современной Германии. В немецком социуме мы наблюдаем, помимо иммиграции мусульман (преимущественно из Турции), уже ставшей классическим сюжетом в этнологии, параллельный этому процесс перехода этнических немцев в ислам. Свежий взгляд на культурную жизнь и самосознание мусульманского населения Германии представила этнолог Эльвина Фаритовна Рязанова,

сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Полевые наблюдения автора в Германии вкупе с глубокой аналитикой легли в основу диссертационного исследования, прошедшего успешную защиту в 2022 году, а оно, в свою очередь, — в текст недавно выпущенной монографии, с которой я и предлагаю ознакомиться.

Название книги «Немцы-мусульмане в современной Германии» удивляет читателя широтой темы. Исследователь ставит перед собой, казалось бы, необъятную задачу — изучить сегрегированные мусульманские сообщества Германии, выделив их основополагающие признаки. Во введении автором обозначены проблемы поиска и конструирования религиозной идентичности перешедшими в ислам

немцами, бытования и трансформации религиозных практик мусульман Германии, проблема категоризации мусульман в зависимости от их вовлеченности в нормативную сферу религии. Для исследователя главным полем проявления религиозного самосознания является автобиографический нарратив. Этнолог выбирает в качестве методологической рамки исследования биографический подход (по М. Вольраб-Сар¹), а ее метод можно определить как нарратологический анализ интервью. Выбранный научный инструментарий в полной мере соответствует спектру этнографических источников. Эльвина Фаритовна опирается на данные собственных полевых исследований (интервью), официальные документы, связанные с религиозной и миграционной политикой Германии; материалы СМИ, интернет-ресурсов. Следуя методологии Е.Ю. Рождественской², этнолог рассматривает текст интервью как пространство репрезентации идентичности. Выбранный источник обладает значительным эвристи-

ческим потенциалом: контекстный анализ нарратива позволяет узнать, с каким сообществом себя идентифицирует респондент, его восприятие собственной религии и «культурного (религиозного) другого», а также особенности религиозного дискурса в изучаемой традиции. Хотя автор использует термин «нарративная идентичность», в тексте монографии она охватывает более широкое поле саморепрезентации (посредством ритуалов, одежды и т.д.), выходя за рамки сугубо текстуального анализа.

Генеральная совокупность респондентов включает в себя две крупные группы: собственно мусульман-иммигрантов и немцев, обращенных в ислам. К первой категории относятся иммигранты второго и третьего поколений в возрасте от 19 до 37 лет, владеющие немецким языком и прошедшие социализацию в немецкой образовательной системе. Данную категорию опрошенных этнолог условно разделяет на успешно интегрированных в немецкую среду и респондентов, общающихся только с представителями своей этнической группы. Обоснованным видится решение автора не включать в выборку опрошенных иммигрантов первого поколения, для которых проблемы социальной адаптации и материального благополучия остаются первостепенными. Работа с их нарративами сместила

1. Wohlrab-Sah, M. (1995) *Biographie und Religion. Zwischen Ritual und Selbstsuche*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
2. Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2010. № 30. С. 17.

бы ракурс исследования с религиозной идентичности на дискурс о миграционной политике. Вторая группа опрошенных состоит из этнических немцев, принявших ислам во взрослом возрасте. Респонденты, в основном, являются представителями молодежи. Данный выбор обоснован распространенностью религиозной конверсии именно в молодом возрасте. Религиоведы Д. Лофланд и Р. Старк определяли молодежь как группу наиболее активного духовного и социального поиска: «Следовательно, реаффилиация и конверсия будут более распространены среди географически мобильных групп, подростков и молодых взрослых при вступлении в брак и после развода»³.

В первой главе книги автор рассматривает историю формирования мусульманских сообществ Германии, а также деятельность современных религиозных организаций и их функции. Согласно проведенным опросам, в настоящее время роль этих официальных исламских институций воспринимается как несущественная, хотя они проводят работу в сфере духовного образования, просвещения и правовой защиты. Эльвина Фаритовна уделяет большое внимание роли социальных сетей в коммуникации

мусульман. Данный аспект внутригруппового взаимодействия потенциально может быть развит в отдельное исследование в русле антропологии сетевых сообществ. В дальнейшем автор возвращается к теме онлайн-пространства и раскрывает роль мусульманских подкастов в немецкой умме. Интерес к виртуальной сфере актуализирует проблематику книги, расширяет ее онтологические горизонты. В завершении главы автор формулирует тезис о неоднородности мусульманского общества в современной Германии. Некоторые его представители, по наблюдениям Эльвины Фаритовны, хорошо интегрированы в немецкую среду и тесно взаимодействуют с этническими немцами. Другие мусульмане существуют в рамках своей этнической группы, то есть иммигрантского сообщества. Мне представляется верным сознательный уход автора от проблем социально-политического аспекта иммиграции, так как эта тема значительно шире, чем сфера интересов исследователя и задачи книги. В то же время некоторые наблюдения Эльвины Фаритовны могут быть полезны для изучения процессов адаптации и аккультурации мигрантов Германии нехристианских конфессий.

Вторая глава посвящена процессу обращения немцев в ислам (автор использует понятие «но-

3. Lofland, J., Stark, R. (1965) "Becoming a world-saver: A theory of conversion to a deviant perspective", *American Sociological Review* 30(6): 868.

вообращенные немцы»). В религиозоведении давно существует дискуссия между исследователями, придерживающимися различных подходов к изучению конверсии. Одни ученые анализируют этот процесс как активный, то есть как результат индивидуального духовного поиска и самопознания индивидов. Такому направлению близка и Эльвина Фаритовна, в меньшей степени рассматривающая влияние религиозного прозелитизма на новообращенных, что более характерно для приверженцев пассивной концепции⁴. Авторское видение процесса перехода в целом соответствует подходу Л. Рамбо, который выделил семь этапов конверсии: «контекст, кризис, поиск, встреча, взаимодействие, приверженность, последствия»⁵. Эльвина Фаритовна вслед за Р. Трависано⁶ полагает, что конверсия предполагает формирование индивидом новой центральной религиозной идентичности при вытеснении старой. В то же время

автор книги отмечает, что в ходе альтерации жен-немок, вышедших замуж за мусульман и принявших ислам, религиозная идентичность может меняться формально при сохранении базовых личностных установок. Этнолога можно отнести к сторонникам интеракционистской теории конверсии, согласно которой религиозное обращение происходит в сетке межличностных связей и социально обусловлено⁷. Мотивы обращения в ислам она подразделяет на «личностные» (подразумевается собственный выбор новообращенного, продиктованный его интересом и моральными убеждениями) и «по семейным обстоятельствам», обычно связанным со вступлением в брак. Данное разделение может вызывать у коллег-читателей возражение. Представляется, что две этих мотивировки могут дополнять друг друга, а создание семьи является личным выбором человека, частью его духовного поиска. Вероятно, бывает так, что при встрече потенциального супруга или супруги может возникнуть искреннее желание познать новую религию. Важно, что этнолог обратила внимание на аксиологический аспект ислама, то есть его привлекательность для новообращенных немцев. По резуль-

4. Gooren, H. (2007) "Reassessing Conventional Approaches to Conversion: Toward a New Synthesis", *Journal for the Scientific Study of Religion* 46 (3): 337–353.
5. Rambo, L. R. (1993) *Understanding religious conversion*, pp. 16–18. New Haven and London: Yale University Press.
6. Travisano R. (1970) "Alternation and conversion as qualitatively different transformations", in *Social psychology through symbolic interaction*, pp. 594–606. Waltham, Hinn-Blaisdell.

7. Snook, D.W., Michael, J.W., Horgan, J.G. (2019) "Issues in the Sociology and Psychology of Religious Conversion", *Pastoral Psychology* 68(2): 233.

татам проведенного ею опроса, большая часть конвертитов воспринимает ислам как источник просвещения, связывает его с возможностями духовного развития. В то же время значительно меньший процент респондентов относится к исламу как к «религии духовной и телесной чистоты» и как к «религии рациональности». На мой взгляд, предложенные в опроснике категории ценностного восприятия позволяют глубже понять мотивы перехода в новую веру.

Еще один важный фактор конверсии, который не ушел от взгляда исследователя, это кризис прежней идентичности и утрата ценностных ориентиров. Такой «крах» картины мира приводит к поиску и формированию новой самоидентификации. Это явление удачно охарактеризовано этнологом как модель «кризис — поиск». В предконверсионный период немцы-мусульмане не обязательно испытывали проблемы в семье, страдали от неприятия социумом. Их проблемы с восприятием своей религиозности были обусловлены внутриличностным конфликтом. Таким образом, выбор новой веры для многих информантов стал итогом длительного духовного поиска, а не вынужденной мерой. Более того, немцы-новообращенцы сталкиваются с общественным неприятием и стигматизацией уже после перехода в ислам.

Для более тщательной проработки этой проблемы исследователь опросила немцев об их отношении к конверсии в ислам. Полученные результаты Эльвина Фаритовна разделила на три категории: негативные, нейтральные и озабоченные. Некоторые немцы испытывают тревогу из-за растущего процента немцев-мусульман, связывая это явление с воспитанием в семье или с провальной миграционной политикой государства. Ключевым понятием раздела, которое автор вводит в научный оборот, является «постконверсионный синдром». Под этим термином этнолог понимает «поведенческие установки конвертита после смены религии, а также его/ее внутренние переживания, связанные с воспоминаниями о прошлой жизни». Иными словами, для опрошенных этнических немцев часто свойственна ностальгия по жизни до обращения.

В третьей главе исследовательница рассматривает проблему формирования идентичностей иммигрантов-мусульман второго и третьего поколений и новообращенных немцев. Первая категория мусульман определяет свою принадлежность по отцовской вере. Для иммигрантов ислам означает связь с семьей, предками, исторической родиной и этнической культурой. Для немцев-конвертитов этническая идентичность существует параллельно

с религиозной, в целом они сохраняют приверженность немецкой культуре и социуму. По наблюдениям автора, конструирование новой религиозной идентичности у обращенных немцев происходит в три этапа: идентификация себя как мусульманина, перенимание религиозных практик и моделей поведения, длительное пребывание в новом религиозном сообществе. На мой взгляд, предложенная схема не универсальна и свойственна тем локальным группам, с которыми работала Эльвина Фаритовна. Иногда конверсия может начинаться с глубокого интереса к обрядовой части религии, а формирование самосознания, нового религиозного «я» происходит уже после. Антрополог Х. Горен развил концепцию уровней индивидуальной религиозной активности, согласно которой аффилиация с религиозной организацией предшествует непосредственно конверсии — изменению в мировоззрении идентичности⁸. Интересно было бы сопоставить процесс формирования идентитета, описанный автором на основе своих полевых материалов, с аналогичными явлениями в других культурах. Часто конвертируемые немцы активно изучают священные тексты и богосло-

вие, демонстрируют прекрасное знание Корана. Важно, что этнолог обратила внимание и на обратное явление. Мусульманская идентичность может носить формальный характер, а конвертит — тяготеть к христианским мировоззрению и обрядности (автор использует для этого явления термин «пассивная идентичность»).

В целом исследователю удалось рассмотреть противоречивые аспекты идентичности, изучить ее как динамичное и вариативное явление. Подход Эльвины Фаритовны к формированию религиозной идентичности можно охарактеризовать как микроуровневый, то есть для этнолога ценны радикальные трансформации идентичности личности и персональное отношение к религии⁹. Эта оптика интересна тем, что она позволяет исследовать феноменологию религии, взглянуть на проблему религиозности глазами информантов. Автор не избегала противоречий, встречаемых ею в ходе полевых исследований, а напротив, умело интегрировала их в свою теоретическую модель, показав тем самым неоднородность исследуемых сообществ.

На мой взгляд, четвертая, предпоследняя глава может быть охарактеризована для читателя

8. Gooren, H. (2007) "Reassessing Conventional Approaches to Conversion: Toward a New Synthesis", *Journal for the Scientific Study of Religion* 46(3): 350.

9. Snook, D.W., Michael, J.W., Horgan, J.G. (2019) "Issues in the Sociology and Psychology of Religious Conversion", *Pastoral Psychology* 68(2): 228–229.

как наиболее интересная и насыщенная новым этнографическим материалом. Эта часть книги отражает основные тенденции в религиозных практиках исследуемого социума, а также влияние ислама на проявления светской жизни. В зависимости от степени вовлеченности в обрядовую сферу религии автор выделила три категории мусульман-иммигрантов. Первая группа — «интегрированные» мусульмане, рожденные в исламской среде, но не соблюдающие религиозные обряды. «Рудиментальные мусульмане», в свою очередь, представляют собой совокупность мусульман, которые соблюдают только часть обрядов. Третья группа, «истинные мусульмане» выполняет все предписания религии и, по наблюдениям этнолога, хуже интегрирована в немецкое общество. В отношении этнических немцев-мусульман такая классификация не работает. Эльвина Фаритовна считает, что на следование религиозным предписаниям конвертитов влияют мотивы обращения. Группа обращенных по «личностным мотивам», то есть в результате духовного поиска и глубокого изучения ислама, больше вовлечена в обрядовую сферу новой религии. Для немцев, принявших ислам в силу семейных обстоятельств, ислам часто выполняет статусную роль; они реже соблюдают религиозные нормы. Некоторые из информантов фор-

мально воспринимают свою аффилиацию с религией. Для таких конвертитов религия является не столько высшей духовной ценностью, сколько, по М. Вольраб-Сар, «символическим и культурным капиталом»¹⁰. Автор книги справедливо разделяет специфику религиозных практик в жизни этнических немцев и иммигрантов, выделяя разное ценностно-мотивационное восприятие религии. Исследователь Й. Штольц для анализа религиозных групп Швейцарии использует понятия «религиозности» и «духовности» как два разных аспекта религиозной идентичности¹¹. На мой взгляд, эти концепты не всегда различимы на эмпирическом уровне и не полностью отражают религиозную структуру общества. Более удачным видится подход Эльвины Фаритовны, которая оперирует категориями «знания», «мотива», «отношения» и «соблюдения ритуалов» в качестве факторов профессионального самосознания.

Автор обратила свое внимание на новую тенденцию в культуре ислама — появление адвент-

10. Wohlrab-Sahr, M. (2006) "Symbolizing Distance: Conversion to Islam in Germany and the United States", in *Women Embracing Islam: Gender and Conversion in the West*, p. 74. University of Texas Press.

11. Stolz, J. (2017) "Milieus and Mixed Methods. Describing and Explaining Religion and Secularity", *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 69(2): 380.

календарей, новой праздничной практики Рамадана, заимствованной из христианства. Интересно было бы исследовать это явление на более широком этнографическом материале и отследить его динамику. В поле зрения этнолога оказался такой актуальный вопрос, как мусульманская мода (параграф «Нарратив о платке»). Полевые исследования выявили несколько стилистических типов немок-мусульманок на основе соблюдения ими предписаний ислама в одежде. У этнолога была возможность проанализировать поведение мусульманок в мечети (действия мужчин в мечети по понятным причинам для автора оказались менее доступным объектом для изучения). Проницательность исследователя позволила увидеть разницу в восприятии пространства храма информантками. Для мусульманок-иммигранток это место часто фигурирует как площадка для коммуникации и обмена житейским опытом, новостями. Для них мечеть более привычное, обыденное место. Новообращенные немки зачастую воспринимают мечеть как символ индоктринации, а моление в ней как семиотически важный обряд.

Импонирует, что этнолог приводит фрагменты интервью, тем самым позволяя нам понять методы опроса. Вопросы исследователя относились к личному опыту респондентов и располагали их к саморефлексии. Автор по-

дробно описывает половозрастной состав опрошенных, их образовательный уровень, социокультурный контекст общения. Подробно в тексте изложены сложности, связанные с расширением круга информантов и установлением контактов с ними. Благодаря этим деталям книга приобретает «живой» характер, призывает к дискуссии, помогает проследить логику автора от начала и до конца. Для исследователей исламского фактора в Европе особой ценностью обладает пятая глава, посвященная историографии исследуемых вопросов в зарубежной и отечественной традициях. Прием переноса историографического раздела в отдельную главу делает чтение книги более комфортным для неэкспертов, позволяет читателю сосредоточиться на непосредственном эмпирическом материале автора.

Может показаться, что в монографии не так много внимания уделено конфликтной стороне жизни мусульман в Германии. Помимо некоторых негативных комментариев и воспоминаний респондентов, автор не концентрируется на социальных (внутрисемейных, внутриконфессиональных, межличностных) противоречиях. Встает вопрос, действительно ли эта проблематика не требует подробного описания. Возможно, полевой материал автора эвристически не продемонстрировал наличие открытых

острых конфликтов в немецком социуме. Предположу, что автору сложно писать об этой проблематике в силу этических установок или невозможности практически исследовать так глубоко, скажем, споры членов конкретной семьи. В любом случае, Эльвина Фаритовна продемонстрировала основательный подход к наиболее доступным ей источникам — нарративным материалам, в которых информанты часто не сообщают о многих «неудобных» и проблемных сторонах жизни. Иногда автор сознательно не включает в исследование мнения скептически настроенных информантов. «На мой взгляд, при изучении такого явления, как новая немецкая умма, имеет смысл брать интервью у людей, которые нейтрально либо положительно относятся к мусульманам Германии»¹². Так, в выборку нарративов не вошли комментарии исламофобов и наиболее консервативных мусульман, хотя такие материалы могли бы более полно отразить религиозный дискурс. С другой стороны, исследовательнице удалось соблюсти научную этику, очень корректно указав на наличие полярных мнений. Мое рассуждение носит скорее риторический характер, так как подход к поиску информантов и отбору narra-

тивов является авторским видением проблематики.

Безусловно, монография «Немцы-мусульмане в современной Германии» будет ценна для религиоведов, антропологов и этнологов, занимающихся проблемами религиозной конверсии. Выводы и классификации, предложенные Эльвиной Фаритовой, имеют весомое значение для компаративистских исследований и апробации в других этнографических полях. Ценны новые понятия, введенные автором в научный оборот (например «постконверсионный синдром», «пассивная религиозная идентичность» и другие). Книга ставит для читателя новые вопросы, освещает порой парадоксальные стороны жизни исследуемых групп. Приглашение к дискуссии и рефлексии — вот как можно охарактеризовать представленное исследование. Пожалуй, именно такой эффект должна производить вдумчивая антропологическая работа. Живой понятный язык автора делает книгу доступной для читателя-непрофессионала в сфере гуманитарных наук, интересующегося этнографическими сюжетами. Большим потенциалом монография обладает для популяризации некоторых проблем мигрантских сообществ, межэтнических браков, религиозной толерантности.

Герман Устьянцев

12. Рязанова Э. Ф. *Немцы-мусульмане в современной Германии. Кто они?* М: «Сандра», 2023. С. 71.

Библиография / References

- Рождественская Е. Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5–26.
- Рязанова Э. Ф. Немцы-мусульмане в современной Германии. Кто они? М: «Сандра», 2023.
- Gooren, H. (2007) “Reassessing Conventional Approaches to Conversion: Toward a New Synthesis”, *Journal for the Scientific Study of Religion* 46 (3): 337–353.
- Lofland, J. and Stark R. (1965) “Becoming a world-saver: A theory of conversion to a deviant perspective”, *American Sociological Review* 30(6): 862–875.
- Rambo, L. R. (1993) *Understanding religious conversion*. New Haven and London, Yale University Press.
- Snook, D. W., Michael J. W., Horgan J. G. (2019) “Issues in the Sociology and Psychology of Religious Conversion”, *Pastoral Psychology* 68(2): 223–240.
- Stolz, J. (2017) “Milieus and Mixed Methods. Describing and Explaining Religion and Secularity”, *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 69 (2): 361–386.
- Travisano, R. (1970) “Alternation and conversion as qualitatively different transformations”, in *Socialpsychology through symbolic interaction*, pp. 594–606. Waltham, Hinn-Blaisdell.
- Wohlrab-Sah, M. (1995) *Biographie und Religion. Zwischen Ritual und Selbstsuche*, Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- Wohlrab-Sahr, M. (2006) “Symbolizing Distance: Conversion to Islam in Germany and the United States”, in *Women Embracing Islam: Gender and Conversion in the West*, pp. 71–94. Austin. University of Texas Press.

Ringrow, H., Pihlaja, S. (eds) (2023) *The Routledge Handbook of Language and Religion*. Routledge. – 448 p.

<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-2-222-231>

Подготовленный в 2023 г. издательством Routledge том *The Routledge Handbook of Language and Religion* под редакцией С. Пихлая¹ и Х. Рингроу² продол-

жает многолетнюю традицию выпуска книг по различной тематике на основе междисциплинарного подхода. Это позволяет представить религиозный дискурс как сложный и многогранный феномен.

1. Стивен Пихлая (Stephen Pihlaja, Бирмингем [Великобритания]), автор нескольких книг о религии, в том числе «Разговоры о вере: как дебаты и беседы формируют веру» (*Talk about Faith: How Debate and Conversation Shape Belief*, 2021).
2. Хелен Рингроу (Helen Ringrow), занимается вопросами религии и ген-

дера, автор книги «Язык рекламы косметики» (*The Language of Cosmetics Advertising*, 2016), соредактор журнала «Современная медиастилистика» (*Contemporary Media Stylistics*).